

Г. ТРОИЦК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

18 апреля 2010 г.

Произведения, прозвучавшие на **Вечере поэзии и прозы** писателей города в Троицком центре культуры и творчества.
(Сиреневый б-р, д.1, тел. 51-07-68)

СОДЕРЖАНИЕ

(авторы)	стр.
Алексей МИЛЬКОВ	1
Ирина ШЛИОНСКАЯ (член Союза писателей России)	5
Владимир ЕЛИСЕЕВ	6
Герман ГУСЕВ	6
Валерий САВОСТЬЯНОВ (член Союза писателей России)	7
Алексей СТЕПАНОВ	9
Анатолий КОРОБОВ	11
(зрители)	
Серафима АЛИМОВА	13
Алла АЛИМОВА	13

Алексей МИЛЬКОВ

“Лошадь не подкована – командир убит, Дивизия разбита – армия бежит. Враг заходит в город, пленных не щадя, Потому что в кузнице... не было гвоздя”.

Самуил Маршак (перевод из английской поэзии)

СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО

(пародия)

Слушается дело,
Кузнеца гвоздя.
Разве это дело –
Не было гвоздя?
Кузнеца в кутузку,
Чтоб почем не зря,
Он забыл про гузку
Не для просто для.
Воздыхают девы:
– Жалко кузнеца.
Ахи в стоге, где вы,
Из-под молодца?
Мы за право дело,
Что шуршит трава.
Это наше дело,
Что бежит молва.
– Молодо! Не зрело! –
Огласил судья. –
Это же не дело –
В кузне нет гвоздя!

Встало солнце тенью,
Кузнецу не в шерсть.

И в статье расстрельной
Основанье есть.
Он примял ромашку,
Оскорбил рассвет.
Мерзкому дыханью
Оправданья нет.
Стоны, где лужайки,
Ахи, где ручей.
Этим эпохалье
Сделал помельчей.
Потому что стержня
В воспитаньи нет.
Потому что совесть
Вся сошла на нет.
Потому что в стержне
Место для гвоздя.
Потому что в стержень...
Не забил гвоздя.

Враг средь нас таился
Женщин не щадя,
Потому что в кузне...
Не было гвоздя!

А Я У ТЕБЯ...

(Отрывок из повести “Идеальная тюрьма”. Автор просит прощения за реализм и натурализм)

Навон и Авалон сидели в камере лоб в лоб, застыв в задумчивых позах, словно решали сложный кроссворд. Вошел новичок Кулебяка с матрацем. Они даже не обратили на прибывшего внимание.

– Спичка здесь, – сказал Авалон, показывая Навону на его левую руку.

– А вот и не угадал! И первый ход мой, – произнес довольный Навон, он разжал кулак и

показал пустую ладонь. – Авалон, значит так, я отрезал твои ослиные уши. Твой ход.

– А я у тебя оттяпал твой паскудный язык!

– А я тебе выколочил свинячьи глаза!

– А я у тебя вырезал по самые...

– Договаривай, ну ты, зверь, отморозок.

– По самые бильярдные шары!

Авалон уже ухмылялся, предчувствуя победу.

– А я, – Навон сделал паузу, – отсек тебе топором голову. Твой ход.

– А я... а я... - стал заикаться Авалон.

– Ну, соображай, если есть чем.

– Хм! – кашлянул Авалон. – Сдаюсь. Сволочь ты лагерная, а еще другом называешься.

– Не хватает фантазии сделать ответный ход? Тогда один ноль в мою пользу. Вторая партия. Теперь твой первый ход.

– Навон, я методично с особо крайним садизмом открутил твою безмозглую башку. Ваше слово, товарищ маузер! – Авалон победно посмотрел на Навона.

– Моя кровь брызнула тебе в горло и ты задохнулся от асфиксии, – нашелся ответить тот.

– Хм... – снова обалдело произнес обделенный вариантами Авалон.

– Ситуация патовая. И я мертв, и ты мертв. Предлагаю ничью, – сказал Навон.

Кулебяка заинтересовался оригинальной игрой, а еще больше видом развлечения. Правда, перед заключенными на столе ничего не стояло на что-нибудь похожее из комплектов игры, ничего, что бы прямо говорило о ней. “Ах, театральная реминисценция, – догадался он, – или репетиция!”

– Шекспир? – спросил он. – “Гамлет”? Там было много убийств, почти все герои погибли. Но этого эпизода не помню.

– Не мешай играть. Называется игра “Тюремные шахматы вслепую”, – сказал Авалон.

– Гм, – испустил звук изумления Кулебяка.

– Принимаю ничью... – нехотя выдавил из себя Авалон.

– Победа! Общий счет полтора на пол очка в мою пользу! – радостно объявил Навон.

“Изверги! Нелюди!” – подумал Кулебяка, хватая ртом воздух.

Навон словно прочитал мысли, как-то странно посмотрел на него и сказал:

– Думаешь о нас: “Изверги! Нелюди!” Я тоже говорю Авалону, что он изверг и нелюдь.

А он почему-то не сомневается, что это именно я.

– Теперь ты со мной, – сказал Кулебяке Авалон. – Хочу отыграться. Так и быть белые твои, твой первый ход.

– Я не знаю, как ходить, – залепетал Кулебяка.

– Ну, отруби для начала мне палец. Только предупреждаем, победитель имеет право привести в исполнение последний свой ход.

– Хорошо, я отрубил тебе палец, – сделал первый ход Кулебяка.

– А я тебе правую руку.

– А дальше что? – мучительно задумался Кулебяка.

– Ох, всё приходится учить. Для победы надо делать нетривиальные ходы, тогда противник неожиданно теряет голову. Например, откуси мне нос или выжги клеймо “вор”.

Кулебяка брезгливо поморщился.

– Лучше я поступлю попроще, оттяпаю тебе тоже правую руку. Хорошо?

– А я тебе левую.

– А я тебе кувалдой снес пол черепушки, – в азарте подскочил Кулебяка. Но не тут-то было, когда услышал:

– Это невозможный ход, тебе нечем сносить мне черепушку, твои руки, гляди, вот, у меня, и я их заморожу и как строганину съем. Ну что мне сделать с тобой? Может снять скальп и повесить на столбе обозрения?

Кулебяке вдруг стало плохо, и он подкосился в обморок. Друзья отнесли его на нары.

– Настоящая принцесса на горошине, – кисло поморщился Навон.

– Ничего, пообтреплется, пообвыкнет, притрется, – сказал Авалон, обшлепывая по щекам побледневшего Кулебяку. – Тюрьма сделает из него настоящего человека.

– Или гроссмейстера по игре в тюремные шахматы вслепую, – добавил Навон.

Ирина ШЛИОНСКАЯ

МОСКОВСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ

(поэма)

*Моим сокурсникам
по факультету журналистики МГУ
(1988-1993)*

*И я приму тебя, как упряжь,
Тех ради будущих безумств,
Что ты, как стих, меня зазубришь,
Как быль, запомнишь наизусть.*

(Б.Л. Пастернак)

Она у каждого – своя,
Кто к ней однажды прикоснулся.
Благословен, кто не очнулся,
Отпив московского жителя...
В далеком детстве под Москвой
Столица мне казалась чудом,
Бездонным праздничным сосудом,
Что хоть на миг – да будет мой!
А позже мнилось свысока,
Что покорить ее – мой жребий.
Ведь в юности журавль в небе
Реальней всех синиц в руках...
...О Боже, до чего полна
Москва моих воспоминаний
Тех лет, так невозможно ранних,
Как забродившего вина!
Вот тихий двор на Моховой,
Проспектом Маркса прежде званой,
И Ломоносов неустанно
Следит за пестрою толпой...
Здесь было суждено вчера
Мне среди счастливиц оказаться –
Наивных школьниц, что назваться
Дерзнули жрицами пера!
Входя сюда в урочный час,
Мы шли по мраморным ступеням,
Где, кажется, витали тени
Всех, кто прославился до нас...
В аудиториях царил
Богемный дух. Из нас так рьяно
Лепили будущих светил
Газет, журналов и экрана...
Я помню, раз явился к нам
Сам Ельцин собственной персоной,
Еще не президент холеный,
Еще бунтарь, гроза вождам...
И негде яблоку упасть,
Конечно, было в шумном зале.
Седой наш гость кололся всласть,
Как оказался он в опале,
Как травлю на него вели,

Как в одночасье стал изгоем.
И мы, студенты, не могли
Не величать его героем...
Кто ж знал, что лет так через пять
В парламент он велит стрелять,
И мы по глупости пройдем
Насквозь Тверскую в баррикадах,
Чтоб поглазеть на Белый дом
И дым из окон, танков строй
На площади перед толпой
Под свисты снайперского града...
А лет еще так через семь
Уйдет в историю совсем
Эпоха ельцинская эта,
Лишь память верно сохранит
Мой первый курс и тот визит,
Как театральные билеты...

* * *

...Мои студенческие дни –
Троллейбус номер тридцать третий...
Тот год чудесный догони,
Что мне дороже всех на свете!

Из окон открывался вид –
Вот дом на набережной спит,
Зловеще-серая машина.
Москва-река пред ним течет,
А мимо все спешит народ
В кино “Ударник”, в магазины...

...Вот у Манежа поворот,
Проем журфаковских ворот,
Начало и конец пути –
Дай перекресток перейти...

...Мы упивались новизной,
Бродя по улицам столичным,
Где современность с архаичным
Слились в гармонии одной...

Кремлевских башен гордый вид,
Стены всеведущей гранит,
Напротив же “Националь” –
Лишь провести диагональ!

Соседство то для нас, бывало,
Предметом шуток выступало
(И раз, заметьте, не один!)
Как бросят: “Мы вчера видали –
Тебя перед “Националем”
Снимал нерусский гражданин!”

...А за метро “Охотный ряд”
Сворачивали на Тверскую.
Я до сих пор по ней тоскую –
По перекресткам, что хранят
Всю прелесть наших разговоров,
Признаний, споров ни о чем...
Давай страницы перечтем!

Вот здесь мы покупали хлеб,
Вот здесь мороженое ели,
Иплыли линии судеб
Асфальтовой рекой апреля.

Лежал наш путь на телеграф
К междугородным автоматам.
И в ссорах каждый был неправ,
И каждый не был виноватым...

Казалось, будет так всегда –
И дружба, и прогулки наши,
И впечатлений череда,
Взахлеб глотаемых из чаши...

Глянь мимоходом: “Интурист” –
Путаны, иномарки, гости...
Коль ты почти что журналист,
То жизнь, как есть, постичь не бойся!

Угар бесчисленных кафе
Служил нам фоном для беседы.
Там поверяли мы Москве
Заботы, радости и беды.

Сегодня – изменилась жизнь.
Сегодня – центр для богатых.
И безразлично катит вниз
Тверская, близкая когда-то...
...Пройдем обратно, до метро,
До Ленинской библиотеки,
Исторгнет нас ее нутро
И кинет в суету навеки.

И нас троллейбус повлечет
По грезам Нового Арбата –
Он был Калининским еще
В дни, канувшие без возврата...
Дом Книги – для студентов рай.
Любой учебник выбирай,

Какой велел преподаватель.
Частенько в юные года
Наведывались мы сюда,
Чтоб всю стипендию потратить...

К тому ж напротив – гастроном,
Да не какой-нибудь – Арбатский.
К прилавкам очереди сном
Нам нынче могут показаться...
Давно закончился “застой” –
Жаль, кошелек полупустой!
Уже не сунешься к витринам,
Чтоб прикупить деликатес.
Здесь супермаркет, а не рынок –
Вон припаркован “Мерседес”!

Арбат милее сердцу Старый –
Там надрываются гитары,
Художники портреты пишут
И все вокруг свободой дышит!

Давно мне довелось бродить
На том Арбате обновленном,
Который всяк, в Москву влюбленный,
Считает долгом посетить.

Там ныне, бают, все иначе –
Тусовки прежней больше нет.
Ну что ж, передадим тем паче
Из девяностых ей привет...

Москва конца тысячелетья,
Ты нас заполнила собой!
Пусть каждый жребий выбрал свой,
И обо всех не в силах спеть я...

И для надменных москвичей,
И пробивных провинциалов
Столица россыпи ключей
В своих чертогах отыскала,
Что открывают, как сезам,
Пути к надеждам и мечтам,
Хоть и не сбывшимся порою...

Мы разные – но не беда.
Одной мы крови навсегда,
Навек повязаны Москвою...

Владимир ЕЛИСЕЕВ

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Росла ты с детства молчаливой,
Но говорили все окрест:
«Ты родилась на свет красивой,
И в том судьба твоя и крест».

Как трудно в жизни без двуличья
Красивой женщине прожить,
И в мире, полном безразличья,
Счастливой и любимой быть!

Как ветер, молодость промчится,
С годами блекнет красота:
А если встречи не случится –
Жизнь без любви скучна, пуста.

Пока не залегли морщины,
И ты цветешь, как майский сад,
Тебя преследуют мужчины,
Все познакомиться хотят.

И надо жить, не замечая

Соседских сплетен без причин,
Полуулыбкой отвечая
На приставания мужчин.

А жизнь идет... Достойных много
Тебе встречалось на пути,
Но не нашлось того, родного,
С кем хочется всю жизнь пройти!

Чтоб верным сердцем полюбила
Та, что красива и умна,
В любимом ей не только сила –
Душа прекрасная нужна!

Мужчины, будьте же смелее,
Не бойтесь женщину обнять!
Кто любит искренне – сумеет
Ее любовь завоевать!

Пусть годы пыл ваш не остудят,
И коль душа у вас нежна,
Тогда любить вас долго будет
Всегда красивая жена!

Герман ГУСЕВ

ВЕНЕЦИЯ

А вот и первые каналы,
А с ними первые мосты.
Мне врут истории анналы:
Венеция, не сгинешь ты.

Пусть Бонапарт поставил точку
В твоей загадочной судьбе,
Но ты была счастливой дочкой,
Гермеса веря ворожке.

Имперское ушло величье,
Но ты стоишь поверх воды
Загадкой в масках носик птичий,
Как знак спасенья от беды.

Весь мир спешит налюбоваться
Симфонией твоих дворцов,
Заворожено шепчет “Grazie”
Трудам бессмертия творцов.

И потому не верю в басни
И в смерти скорбную печать.
Их похоронный труд напрасен,
Им свай твоих не раскачать.

Всего лишь зависти мотивы
В перечисленьи неудач...
Вперед, avanti troppo vivo:
Гони коня, как прежде вскачь.

* * *

Каштаны я ел в Антродокко
С бутылкою доброй вина,
Италии духа pop raso,
В них музыка сагры слышна.

В жаровне нагреты умело,
Им сила огня отдана.
В них сердце Аbruцци горело
И радость крестьянки видна,

Когда в двух рядах тарантеллы
Её кабальеро ведёт.
Каштаны девчоночка ела,
Теперь их тепло отдаёт.

ВЕСНА 2006

Я воздух целую весенний
За то, что пьянит он тебя...
И слышу, как в радостном пенье
Надежду мне даришь, любя,

Любя каждый шорох листочка,
Любя дух волшебный весны...
Спасибо взорвавшейся почке,
Отвергшей холодные сны.

Я верю в тепла неизбежность,
Того, что струится из глаз.
Пусть светит надеждою нежность,
Темнеет пред нею алмаз.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

ДЕДОВЫ МЕДАЛИ

Мне однажды наподдали –
И всерьёз, а не слегка, –
Что я дедовы медали
Утащил из сундука.

«Ты попробуй, постарайся –
На войне их заслужи,
А уж после – хошь, играйся,
Хошь, в сундук их положи...»

Ждали деда. Дед награды
Взял – и, вспомнив про бои,
Молвил: «Пробовать не надо –
Лучше носит пусть мои...»

ДЕДУ

Мы попросим нашу бабу
Протопить нам к ночи баньку
И, ступая на порог,
Мяты, липы, зверобоею
Не забудем взять с собою,
Чтобы слаще был парок.

В шайке венечек распарим,
Чайник травами заварим –
Помогает пропотеть,
Будем чаем упиваться,
Будем венником стегаться,
Долго ахать и кряхтеть.

Дверь откроем и с разбега
Упадём в объятья снега,
И под юною луной
Канут хвори и заботы,

И к тебе вернутся годы,
Годы, взятые войной...

Если ж так вернуть их сложно –
То, давай, тогда мы сложим
Жизнь твою и жизнь мою
(Пусть мне тоже будет больно!)
И разделим – как обоймы
Поделили бы в бою.

И расправятся морщины –
Жизнь примеряют мужчины
Вновь, как чистое бельё...
Как, тебя мочалкой драя,
Я о шрамы обдираю
Сердце штатское своё!

ЛЁТЧИК

*Дорогому тестю
Михаилу Дмитриевичу Смирнову*

Подождите – не будите, юный свой уймите
крик:
Сел в любимый истребитель старый лётчик –
фронтовик.
Он теперь в германском небе, там, где выше
только Бог,
Он опять – прекрасный лебедь и опасный
ястребок.

Позади – его ведомый, в перекрестье –
«мейсершмидт»,
Что свинца наелся вдоволь: миг ещё – и
задымит,
И на запад, уж не страшен, понесёт он чёрный
знак:

Забивайтесь в щели ваши – атакует русский
«ЯК»!..

Подождите – не будите, юный свой уймите
крик:

Сел в любимый истребитель старый лётчик –
фронтовик.

Он теперь в германском небе, там, где выше
только Бог,

Он опять – прекрасный лебедь и опасный
ястребок!

Где найдёте вы такого? Он один теперь из тех,
Кто к ногам родным Чулкова¹ положил великий
рейх!

И осталось так немного в снах его высоких
трасс –

Не комэска он, а Бога скоро будет лучший ас.

Молвит, глядя Богу в очи: «Не умеющий летать
Прилетал тут ангелочек – из училища, видать!

Чтоб над нашим райским домом не смеялись
бы в аду –

Я возьму его ведомым и на бесов поведу!..»

МЕТАЛЛУРГИ

*Моему отцу Николаю Алексеевичу и
многочисленным родственникам и
знакомым, сначала построившим, а
затем разрушившим при
отступлении и снова, отстояв Тулу,
восстановившим Новотульский
металлургический завод.*

Как настала пора нам с врагом воевать,
Мы оставили в домнах металл остывать,

«Закозлили» мы домны родные –

И ушли, заперев проходные.

По железной дороге в Рабочий наш полк,

В ополчение наше, исполнить свой долг –

Над заветною Упскою кручей

Мы прошли по тебе, Криволучье².

Ты прими, Криволучье, прощальный поклон

От идущих спасти матерей своих, жён –

И, коль что, под родным твоим кровом

Утешенье дай сиротам, вдовам.

Объясни: ради них мы служили огню –

В лётку пикою били не раз мы на дню

И смотрели, как в око циклопу,

На кипящую яростью пробу.

Ради них, и чтоб стала великой страна,
Наварили мы тысячи тонн чугуна –
Наших фирменных касок оконца
Закоптили чугунные солнца.

И сегодня опять ради них и тебя

Из цехов мы, судьбу боевую столбя,

Вышли – встретить армаду паучью:

До конца послужить Криволучью!

Мы черёмухи взяли, сирени твои,

Твоих майских садов нам поют соловьи,

Твоих улиц октябрьских метели

Пуховые взбивают постели.

Скоро спать нам на них – оправданием сна

Будет лом замечательный для чугуна,

Лом поверженных танков с «крестами».

А иначе бы спать мы не стали!

Мы привычны к огню – не отводим лица,

Если надо, штыками, как в лётку, в сердца

Будем бить мы проклятую тучу –

Не позволим пропасть Криволучью!

И когда туча эта – фашистский циклоп,

Сапогами цепляясь за каждый окоп,

Твоему поклонится сугробу –

Как чугуна, её выпустим злобу.

Пролетарская Тула надёжна, как дот!..

И, быть может, кому-то из нас повезёт:

Когда минут денёчки лихие,

Он вернётся в цеха заводские.

И вернётся в цеха наши радостный гул,

Нужно выбить из домен застывший чугуна, –

День за днём по микрону – до донца, –

Вновь зажечь рукотворные солнца!

Наш товарищ, конечно, умён и удал,

Но такого труда и Геракл не видал,

Вычищая конюшни вонючие.

Помоги земляку, Криволучье!

Ты пошли ему наших подросших сынов,

Из окрестных ты сёл собери пацанов,

Дай им наши спецовки и каски.

Начинаются новые сказки... .

И опять небеса твои держит Антей,

И приносит огонь для тебя Прометей, ,

Прославляют, любя, демиурги –

Молодые твои металлурги!

СУМАСШЕДШИЕ

В старинных зданиях Петелинской больницы
Надёжны стены, окна – крепости бойницы.

Фашисты ставили в те окна пулемёты –

Какие мощные естественные доты!

Какой обзор – в бинокль Упа почти что рядом.

¹ Чулково – старинное название одного из районов
г. Тулы

² Криволучье – посёлок новотульских металлургов,
сегодня один из крупнейших районов города Тулы

Их не достанешь тут ни пулей, ни снарядом...
Ну а больных, чтоб не мешались под ногами,
Гони на улицу прикладом, сапогами.
Зачем психованным пилюли и постели:
Лежачим – пули, остальным – гулять в метели.
Так поднимай же их с кроватей, полусонных –
Пусть убираются в чём есть: в одних
кальсонах...

Гора Осиновая, Упское, Барьково,
Вы столько видели, но только не такого!
А не хотите ли ещё вы этих, шедших
Куда глаза глядят, раздетых сумасшедших?
А если кто из них и вылечен – понятно,
От лютой стужи он с ума сошёл обратно...
Присады Нижние и обе Еловые,
Недалеки до вас дорожки полевые,

Но если ноги, если руки – как сосульки,
Не добрести, не доползти до вас за сутки.
А доползёшь – не трогай лихо, если тихо –
Кому же нужен лишний рот, к тому же психа...

Помог ли кто им? Знать – не знаю. Но едва ли:
Их немцы – гнали, и свои – не принимали.
Спроси в Никитино, в Бредихино, в Ильинке –
Ну кто их вспомнит? И нужны ли им поминки,
Тем, что по улицам прошли, как привиденья,
За восемь лет почти до моего рожденья?
Ну, разве только моя тётка пожилая
Поставит свечку им и рая пожелает.
Забьётся сердце у неё, как у синицы.
Она всю жизнь свою работала в больнице.
Теперь она за всех убогих молит Бога.
Наверно, тоже сумасшедшая немного...

Алексей СТЕПАНОВ

В ЖАРУ ЖЕЛАЯ ОСТУДИТЬСЯ

В жару желая остудиться,
Лежу я как-то на пляжу
И, наблюдая ягодицы,
К таким я мыслям прихожу:

«Вот, скажем, дамы: как известно,
частями тела там и тут
они играют повсеместно,
мужчин ввергая в грех и блуд.
Кому-то нравятся их лица,
Кому-то – руки, ну а мне
Всего милее ягодицы,
Что снизу крепятся к спине.

Лицо – оно тебя обманет:
Быть может, ей двухсотый год,
Она намажет, подрумянит,
Вотрет, напудрит, подведет –
И вот – лучится и играет,
И оторвать не можно взор.
Так свежим гляncем изумляет
Весной покрашенный забор.

СКАЗКА

Жил-был Читатель, который любил читать.
Был он родом из села – какого, теперь уж никто

Но разве может пригодиться
Искусство править камуфляж,
Когда несешь ты ягодицы
В жару июльскую на пляж?
Ужели тушь, сурьма, румяна
Для глаз, бровей, ланит, ресниц
Годятся для раскраски стана
Ну а, тем паче, ягодиц?

Отнюдь! Напрасно дама ищет
Амурных чувств в сердцах мужчин
Когда у ней на ягодицах
Овраги роковых морщин,
А зад и хладен, и бессилен,
И сух, и желт как старый воск,
И по обилию извилин
На головной походит мозг!»

Увы, но в даме стих мой грешный
Уж не согреет жизни сок,
А из меня струей неспешной
Течет, течет, течет песок.

и не упомнит, да и вымерло оно, село то, и
прожил в том селе всю свою жизнь. Перечитал

он все хорошие книги, что на свете есть. Откуда, скажете, брал эти книги? Да уж, наверное, брал где-то, раз прочитал. Доставал как-то.

И, прочтя эти книги, решил тот читатель, что нету среди них той, что высекла бы добрую искру из любого сердца, чтобы повела на подвиги и родила умиление непреходящее, зов к служению всеблагому и любовь к ближнему такую, крепче которой не бывает. Загорелось у читателя ретивое, схватил он заветное стило, бабушкой еще завещанное, положил перед собой стопку белой финской бумаги и стал сам желанную книгу творить. А может, и не было того стила, а стоял у самовара компьютер от Apple – кто ж его знает, да и не в том дело.

Вот прошло пять лет, и стал Читатель Писателем, ибо сотворил ту книгу. Все в ней было: слова приятные, дали необъятные, девицы красные, молодцы добрые, хозяйева рачительные, напитки горячительные, незабудки на окне и старушка в шушуне – и многое, многое другое. Перечитал Писатель ту книгу, выправил запятые, проверил все «жи» и «ши» и, как и ожидалось, высеклась добрая искра из его сердца, родилось в нем умиление непреходящее и захотелось совершить подвиг и послужить ближнему, которого возлюбил истово. И первым подвигом стало бы издание той книги.

Ну, понятно, кто первым у нас книги читает – есть, наверное, такой замухрышка в издательстве, буквоед, хрыч заскорузлый, который по строчкам пальцем водит и только и выискивает, к чему бы прицепиться. Душа из него через то служение вытекла, сам он остекленел, а на ночь вместо молитвы таблицу спряжения глаголов повторяет да мечтает, как бы очередного бумагомарателя отшить. Да кто ж такому свое любимое детище, бессонными ночами выстраданное, отдаст на нескромное разглядывание через противные его очки? И решил Писатель: сам издам ту книгу, да так, что никто и не узнает – ни издатели, ни критики.

Продал он хату, дедом построенную, купил в музее печатный станок, который в запаснике стоял, изучил переплетное дело, запасся гарнитурой, краской и всем прочим, о чем нам

знать и не обязательно. И бумаги, ясное дело, раздобыл – два вагона, да так ловко, что никто и не заметил. А все – от тяги к служению и любви к ближнему, крепче которой не бывает. Как он все это в село свое привез да в сарае разместил, как днем и ночью набирал, верстал, печатал, переплетал – никому не ведомо, но книгу – все тридцать тысяч экземпляров – на-гора выдал в срок, который сам себе и назначил.

И так писатель от трудов своих ослаб телом и духом, что закралось в сердце его сомнение: а не слишком ли хорошую книгу он написал? Ведь доброе зерно в болото не бросают, перед свиньями бисер не мечут, и не изойдет ли великий посев его на плевелы?

И вот разыскал он в чистом поле под старым курганом подвал, выкинул оттуда мечи – кладенцы и старые кости, свез туда на тележке все тридцать тысяч экземпляров книги и зарыл. До лучших времен – когда расчерствеют сердца, отмякнут нравы и станет слово мастера ключом к душам человечим. Сам сел на вершине кургана и приготовил табличку – «Вскрыть через тридцать лет». И пока сидел, застудил поясницу, да и помер там же. Нашли его два механизатора, поле то пахавшие, и сообщили куда следует. Приехали эксперты, прочитали табличку, да слушаться не стали – вскрыли Писателя в морге на кафедре судмедэкспертизы третьего медицинского института на пятый день после смерти, ничего путного не нашли и похоронили под крестом с надписью «Неизвестный».

Лежит Писатель на кладбище под крестиком в полиэтиленовом мешке и думает: «А ведь не найдут книгу-то, сопрее тираж, пока археологи до него докопаются». И так ему сделалось горько, что помер он окончательно, будто и не жил никогда. А может, и вправду его не было, а так – морок один.

Вот тут должна быть мораль, потому что, ежели мораль не следует явственно из повествования, автор должен подвести читателя и ткнуть носом: вот она, мораль, читай! Но – автор думал – думал, а морали не нашел, потому как жизнь – она своими путями ходит, не примеряясь к нравоучениям.

Анатолий КОРОБОВ

МАЙ 1945 г.

Сошёл недолгий жар,
И вдоль реки,
Спеша, как на пожар –
Летят жуки.

Крылатые юнцы,
Во весь опор –
Летят во все концы,
Как ветер с гор.

От радости дрожа –
В леса в поля.
Нетронута, свежа,
Лежит земля.

Худущий, но живой –
Всему я рад:
Что звезды над Москвой
Вовсю горят.

Что, как зловещий дым,
Развеян враг.
Что он непобедим –
Наш Красный Флаг.

Что Юнкерса кинжал –
На дне реки...

Спеша, как на пожар,
Летят жуки.

* * *

С.Есенину.
Пишите кровью душ,
Когда невыносимо.
Пушай играют туш
Тому, кто лжёт красиво.

Живите высоко –
Не гнитесь перед чином.
Не будьте рысаком,
А будьте гражданином.

Отдайте всё сполна,
Не поскупитесь в малом –
Она на всех одна,
Страна под стягом алым.

Дерзая и скорбя,
Не бойтесь вражьей своры –

Почувствуйте себя
Орудием «Авроры».

* * *

Оживает край березовый,
Блещет бликами воды.
И сверкает бело-розовый
Снег, под корочкой слюды.

Над проталинами рыжими,
Робкой зелени ростки.
Там, где я, сверкая лыжами –
Мчал, под музыку пурги.

Где среди мороза жгучего,
Так неожиданно довелось,
Встретить странника могучего,
Поклониться: «Здравствуй, лось...!».

А теперь, на удивление,
Сквозь березы – бирюза.
Глубина и обновление,
Высь, слезящая глаза.

Неоглядное безбрежие,
Синь – по силам журавлю.
На стволе зарубка свежая:
«Люда, я тебя люблю!»

Скачут птахи развесёлые,
Сыплют щебет янтарём.
Наши души, воды полые,
Прибывают с каждым днём.

Всё смелей и беззаботнее,
Долбит дятел в долото –
И журчит шоссе субботнее
Вереницами авто.

ТОНКАЯ ТЕТРАДЬ.

Времени не трать,
Не копи гроши...
Тонкая тетрадь –
Исповедь души.

В суетности дней,
В искусе греха –
Вижу всё ясней
Правоту стиха.

В таинстве ночей,
Тих, ненарочит –
Он, пока ничей,
Робко зазвучит.

Бликами воды,
Искоркой огня –
Словно свет звезды,
Он войдёт в меня.

Он возьмёт в полон,
Будто сон – трава.
И со всех сторон,
Зацветут слова.

Он пробьётся чист,
Как в мороз лоза.
И на белый лист –
Упадёт слеза.

ГОРЕ ОТ УМА.

Теперь всё реже,
Я впадаю в детство.
Теперь всё реже,
Я бросаюсь в бой.
И никуда от этого
Не деться –
От этого
Слияния с толпой.

Я солдафон,
Готовый для парада.
Я говорю заученное:
«Есть!»
Но, где-то обо мне
Грустит палата –
Больничная палата
Номер шесть.

* * *

Губы шёлковые твои –
Не забуду в любой метели.

Ах, как пели нам соловьи,
Как они вдохновенно пели.

Прорываясь сквозь суету,
Завораживая планету –
Плыли, падая в высоту,
Трели трепетного поэта.

Синий сумрак,
Зелёный май,
И акаций благоуханье –
Ты целуй меня, обнимай,
И люби,
Затаив дыханье.

Словно сон пролетит весна,
Серым зайцем
Отпляшет лето –
Пропылит меня седина,
Серебром голубого цвета.

Но, оставшийся молодым,
Я вернусь к тебе на рассвете.
И войду,
Как морозный дым –
В эти руки,
И губы эти.

СОРОК ПЕРВЫЙ.

Прогибались платформы,
Голосили солдатки.
Скрежетали вагоны,
Как подбитые танки.

Уходили составы –
Крейсерами отчаливали.
Уходили, оставив,
Тишину и отчаянье.

Звезды чиркали пулями
От Москвы – до смоленщины.
Семафоры сутулились,
Как скорбящие женщины.

Серафима АЛИМОВА

КУРОВСКОЕ

Куровское, Куровское -
Наш текстильный городок.
Все знакомое, родное,
Как в окошке огонек!

В Куровской мы вместе жили,
Юность наша там прошла.
Мы шутили, мы дружили –
Жизнь счастливою была!

Малышне забот хватало –
Каждый делал, что умел.
«Не хочу, мне лень, не стану!» –
Говорить никто не смел.

Да, достаток лишним не был,

Ну, да что о нем жалеть –
Нам всегда хватало хлеба
И картошек на столе!

Куровская, Куровская,
Низкий домик да забор...
А семья была большая –
Десять братьев и сестер!

С детством мы давно расстались,
Да и с мамой заодно,
По России разметались,
Дом, покинувши родной.

В непривычном ей покое
Мамочка живет одна...
Куровское, Куровское
С огоньком того окна!

Алла АЛИМОВА

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

В далекие дни сорок первого года
На Русь надвигалась фашистская рать,
Мечтая отнять у нас жизнь и свободу
И наше достоинство в грязь растоптать.

Но воевать, как честные солдаты,
Фашисты не хотели, не могли:
Бомбили города и медсанбаты,
Пытали стариков, деревни жгли...

Чтобы в скотину превратить людей,
Концлагерями мудро запаслись,
Согнали толпы женщин и детей
В Освенцим, Бухенвальд и Саласпилс...

В бараках лагерных, где голод и побои,
Слились и стон души, и ненависти крик...
Но, и в плену оставшись все ж собою,
За жизнь боролись все: и парень, и старик!

Рубцы на теле заживают скоро,
А ранам сердца не зажить вовек.
Забудешь разве, как овчарок свору
Спускал на человека человек!

Как тело жгло каленое железо
И как живьем людей бросали в печь!
Но все ж надежда выжить не исчезла,
И веру удалось им уберечь.

В то, что победа будет всенародной,
Пусть даже до нее не доживут,
И станет наша Родина свободной
От супостатов, что глумятся тут!

Да, каждый год мы празднуем Победу,
А какова была ее цена,
Ответят наши бабушки и деды,
Кого в живых оставила война...